

*Мамара**Навленько***ЛУЧШИХ ВРЕМЕН НЕ БЫВАЕТ...**

Надежда Михайловна Чернова, человек для меня особенный, для моей несколько запоздалой литературной судьбы наиважнейший. В 1998 году она прочитала рукопись моей повести «Поздние яблоки», рекомендовала её к публикации и тем ввела меня в круг авторов журнала «Простор». С тех пор и началось наше с ней общение в письмах и телефонных звонках. Мы подолгу разговаривали, она дарила нам с мужем свои сборники стихов и прозы, и мы оба в неё влюбились. Я с ней никогда не встречалась лично, но разве можно сказать, что я её не знаю? В её стихах и прозе отражаются её чувства, мысли, как и каждый поэт, она доверяет читателям себя, свою душу.

Читая её стихи и прозу, с изумлением, восхищением понимаешь – у неё глубинное понимание жизни, она умеет выразить словами то, что другие люди бессловесно чувствуют, как будто она взяла на себя миссию сказать о том, что нас тревожит, печалит, радует, что даёт нам силы жить, верить, надеяться. Откуда этот талант, откуда «есть пошла» Надежда Чернова?

В каждом человеке изначально заложена искра Божья, но не каждый умеет почувствовать это, угадать своё предназначение, найти дело своей жизни. Надежде Черновой это удалось, и свидетельство тому можно найти в её автобиографической повести «Когда зацветает шиповник...», ведь все мы «родом из детства». Предки её пришли в Казахстан из-под Курска, с детства слышала она «неповторимый западно-сибирский говор, и южно-русский говор, и говор казахской степи». Евразия вошла в неё с детства и осталась в её жизни, в её судьбе, отразилась в творчестве. Родительский Дом стоял на Острове, омываемом водами Иртыша, там и почувствовала девочка одушевление, одухотворение мира, и это детское чувство родства со всем сущим на земле осталось в ней навсегда. Всё что окружало её – люди, деревья, звери, птицы, насекомые, «нас много!» – со всеми она чувствовала особую связь: «Весь мир меня любил – и я любила всех». В глубине детской души началось зарождение её внутренней Вселенной, которая, как и положено, постоянно расширяется, отодвигая горизонты её неуёмного интереса ко всем явлениям физической и духовной человеческой жизни, ощущая параллельно нерасторжимую связь со всем земным миром, который нас окружает. Кажется, ей подвластно всё – высокая поэзия, глубокая проза, острая критика и публицистика, философские и художественные эссе.

Она вырвала из забвения имена талантливых поэтов первой эмигрантской волны Ирины Кнорринг и Юрия Софиева, открыла и подарила их поэтическое наследие широкому кругу современных читателей, что вызывает глубокое уважение, понимание, сочувствие и благодарность. Её книги стоят у меня на книжной полке на расстоянии вытянутой руки от моего рабочего стола. Я не могу лукавить

и говорить, мол, дня не проходит, чтобы я их не брала в руки. Но каждый раз, когда я обращаюсь к её творчеству, открываю в уже прочитанном всё новые и новые слои смысла и чувства, недопонятые, не услышанные, пропущенные мною ранее и подпитываюсь этим.

Каждый творческий человек совершает восхождение к собственной вершине. Казалось, что Надежда Чернова её достигла... Нет! Она не останавливается, она идёт дальше! Свидетельство тому недавно появившаяся на литературной карте открытая ею новая страна – Кудыкины горы – цикл из семи удивительных рассказов – проза, плоть которой, словно невидимыми тончайшими капиллярами пронизана поэзией. Сначала я была ошеломлена – что это? Перечитала. Прочувствовала. Это новая ипостась Надежды Черновой, как поэта, прозаика, как творческой личности. Это знак, что её потенциал, не истратился, не истощился. Она создала свой собственный особый живой мир, где рядом быть и небыть, где связано между собой всё одушевлённое и неодушевлённое, что только есть на Земле.

Пять рассказов из семи – русский мир, созданный русским писателем. Её персонажи – абсолютно русские люди с типичными русскими характерами, простоватые и мудрые, грешные и святые, с достоинствами и противоречиями, идущими вразрез с современным здравым смыслом, в котором теперь главное – стремление к успеху, к деньгам, к власти. Как верно она определила Полину из рассказа «Вина»: «сходились в ней два огня: чистота и страсть». Вспоминается Катерина из «Грозы», в ней тоже сошлись две стихии – огонь страсти и половодье вины, вызванное душевной чистотой. Так и героиня рассказа мучается наполовину воображаемой своей виной, избывая её стремлением куда-то идти, бежать, что-то менять, что-то искать, опять-таки руководствуясь не здравым смыслом, а внутренним побуждением. Как говорится – и жалко, и досада берёт! А что тут поделаешь, на Руси всегда водились странники, калики перехожие и раскаявшиеся грешники – святые отшельники. Рассказ «Сын Пушкина» – нереальная история в реальных обстоятельствах современной деревни. Кажется – нет, этого не может быть никогда, потому что этого быть не может! Но написано так достоверно, так сочно, так любовно и печально, что колеблешься – ведь всё может быть... В рассказе «Невеста Аслана» мать солдата несколько десятилетий верит, что сын её скоро вернётся с войны и даже выбирает ему невесту, странную, тоже убежавшую из родных мест девушку Милочку. И всех персонажей рассказа невероятно жаль, хотя ничего страшного вроде бы с ними не происходит. Рассказ «Шлёндра» снова о душевном непокое парня по имени Толян, который каждую осень, увольняется из родного колхоза и едет в неведомые края в поисках любви и счастья, ищет свою, приснившуюся ему невесту с прекрасным именем – Луния. Чувствуется, что в каждом персонаже этих рассказов есть реальное зерно, из которого и пророс образ, есть убеждение, что всё это какая-то глубинная русская правда, как и необыкновенно чистый, щедрый, какой-то корневой русский язык, которым написаны «Кудыкины горы». Радует этому: «нет песни – нет и жизни, душа тускнеет», улыбаешься: «Ивашка – домовой. У Лошкаря угол снимает – за печкой», печалишься о стариках: «Устал Господь в ладонях их держать, да и выронил!»

Рассказ «Лабзя» написан от первого лица. Отец и дочь едут к родственникам в деревню своего детства, якобы берёзовые веники для бани наломать. Однако же отец позднее проговаривается: «Я ж не столько за вениками приехал, сколько за детством своим». И опять удивляешься авторскому мастерству. Вот они едут

в автобусе по хорошей дороге, смотрят в окно, и в ритме этого абзаца вдруг чувствуется скорость, с какой меняются и мелькают пролетающие мимо пейзажи. Как она это делает?! Вот она вспоминает о деревенском кладбище и только одним единственным предложением бросает читателя в печаль и недоумение от осознания конечной точки человеческой жизни. А после прочтения долго ещё держится «послевкусье» повествования о погибающей деревне, из которой уходит молодёжь, где речка детства, которая звалась Веснянкой, стала Поганкой, где тётя Нюра говорит: «должен же кто-то в деревне жить, чтоб совсем-то не пропали», где старая собака Фискатка ест помидор и пытается виновато улыбнуться, где Прошлое, в котором и хорошее, и плохое, не отпускает человека всю его жизнь.

В двух рассказах «Кунсулу» и «Кекре – горький василёк» – казахский мир, знакомый мне по произведениям Мухтара Ауэзова, Абдижамила Нурпеисова и других писателей. Читая эти рассказы, понимаю, что знания автора глубже, тоньше, более личные. Она пишет о женских судьбах, о любви, верности, трудолюбию, о непростой жизни приехавшей в город из аула девушки по имени Кунсулу, что значит красивая, равная солнцу. В рассказе смешивается правда и вымысел, реальность и мистика. Автору веришь, видишь, чувствуешь этот аул Дальний, который со всех сторон окружает ржавая пустыня, где афганец заматывает мазанки по самые крыши, где Каскырбек-богач занимается барымтой, крадёт и продаёт скот, где охотник Мерген поёт песни под домбру, где Кунсулу на рассвете и закате забирается на плоскую крышу мазанки и смотрит на солнце. «И входило в неё солнце, и горело в ней, как огонь в полом сосуде и заполняло её по самые края».

Рассказ «Кекре – горький василёк» о том, что «не только в старинных легендах и песнях бывает великая любовь, но и в жизни нашей». Юная девушка Аккозы и Солдат целую ночь смотрели друг на друга в вагоне поезда, почти без слов, и это была их единственная встреча и великая любовь каждого. Больше им не суждено было встретиться на этой земле. У девушки Аккозы – «чёрные глаза и узкие – вразлёт – брови, такие же белые и крепкие, как соль, зубы. И косы, как у всех девушек в урочище – длинные, жёсткие, пахнущие овечьим молоком». Читаешь и чувствуешь такую печаль и нежность, такое сожаление о горькой судьбе влюблённых.

Надежда Михайловна Чернова продолжает традицию великих русских писателей – внимание к личности рядового, маленького (маленького ли?!) человека, создав свою особенную страну, как создали каждый свой мир М. Горький и В. Шукшин. Благодарю Вас, Надежда Михайловна, за растревоженность души, которую вызывает Ваша новая работа. Вспомнились вдруг Ваши строчки:

Лучших времён не бывает.
 Лучшие те времена,
 Где твоя жизнь пребывает,
 Где просияет она.

Думаю, что не только я, а ещё много-много людей, знакомых и незнакомых, радуются, что совпали с Вами во Времени. Поздравляем Вас с юбилеем! Будьте здоровы, счастливы и успешны в вашем творчестве на радость читателям!

